

Позже под воздействием трехчленной модели именования мужчин формула называния женщин в письменной речи также стала трехзвенной, преимущественно на тех территориях или в тех социальных группах, где фамилия функционировала как обязательный член антропонимной модели. Только ближе к XVII в. начинает оформляться фамилия в настоящем ее понимании, и продолжается этот процесс вплоть до XIX в.

В русском и белорусском языках фамилия не указывает на социальный статус женщины. Патронимическим показателем является отчество – второй член трехкомпонентной антропонимной модели, аналога которому нет в системе польского языка. Отчество имеют замужние и незамужние представительницы женского пола. И оно так же, как и фамилия, оказывается социально немаркированным.

Наряду с официальной системой русский и белорусский языки сохранили свободную от искусственного вмешательства систему неофициального именования, в которой предусмотрены специальные формы для именования детей по отцу (русс. *Бык – Бычка*, бел. *Гаўрыла – Гаўрыльчык*) и жены по мужу (*Круглов – Круглячка*, бел. *Сцёпа – Сцёпіха, Иван – Іванішка*). Такие формы характеризуются как диалектные, нелитературные и их употребление ограничивается бытовой сферой. Исключение составляют случаи введения таких именований в художественный текст в стилистических целях.

Таким образом, андрогенность свойственна системе именования женщин во всех исследуемых языках, однако каждый из них демонстрирует специфику в образовании андрогенных форм, их положении в антропонимной формуле, устанавливает свои стилистические и социальные границы их употребительности. Данные различия составляют «узкие места» польско-русского и польско-белорусского каналов трансляции гендерно маркированных поэтонимов, прохождение через которые акт передачи визуализирует в виде результатов компенсаторных операций определенной степени сложности.

СОЦИОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ТИП РОМАННОГО ГЕРОЯ (М.А. ШОЛОХОВ «ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА»)

Ю.Н. Пасютина

Роман как один из ведущих жанров литературы привлекает к себе особое внимание критиков и литературоведов. Многие теоретические вопросы, связанные с данным жанром, еще предстоит решить. Одним из таких вопросов является определение типологии романного героя.

Изучением истории и теории романа, романного героя занимались Г.Н. Пospelов, Е.М. Мелетинский, А.Д. Михайлов, П.А. Гринцер, которые полагали, что суть романа – в его ориентации на изображение «эмансипированной» личности, находящейся в разладе с нормами и требованиями окружающей среды. Не случайно Лукач называет романного героя нелепым «чудаком», «искателем», «вопрошающим героем, заблудившимся в мнимой действительности» [1, с. 69].

М.М. Бахтин в докладе «Роман как литературный жанр» – позднее опубликован под названием «Эпос и роман (О методологии исследования романа)» – говорит о «существенном обновлении образа человека в литературе», заключающемся в преодолении характерных для других жанров «завершенности и овнешненности» героя, в наделении образа идеологической инициативой, показе его субъективности, и, наконец, создании «становящегося человека» [2, с. 292].

Г.К. Косиков в статье «К теории романа» указывает на раздвоенность романного героя – «его разлад с действительностью и вместе с тем глубокую общность между ними, что и создает специфическую проблемность романа» [3, с. 37].

Обратимся к терминологии, чтобы выяснить, что же такое «тип». Под данным понятием обычно подразумевают обобщающий образ человеческой индивидуальности, наиболее ярко проявляющий себя в определенном обществе и в определенный момент. М. Горький описал появление литературных типов таким образом: выделяются характерные подвиги многих героев, т.е. «абстрагируются», затем эти черты «конкретизируются» и обобщаются в виде одного героя.

Нам представляется возможным выделить социоцентрический, индивидуоцентрический и персоноцентрический типы романного героя. Остановимся подробнее на социоцентрическом типе.

Известно, что литература социоцентрического толка ориентирована на удовлетворение интересов общества, ключевым словом здесь является социум, его ценности и потребности. Следовательно, в центре таких произведений – герой, проблемы, связанные с героизмом. Уже само слово «герой» носит социоцентрический характер, так как самое важное для героя – служить долгу. Он без остатка растворяется в социуме, и в этом видится его смысл жизни. Именно таковы персонажи Гомера, романов социалистического реализма.

Вспомним героев романа М. Шолохова «Поднятая целина» – Нагульнова, Давыдова, которые ради «общего» дела не пожалели никого и ничего. Вот как Давыдов отреагировал на протест Андрея Разметнова «воевать с детишками»: «Жалко стало, что выселяют кулацкие семьи? Подумаешь! Для того и выселяем, чтобы не мешали нам строить жизнь без таких вот... чтобы в будущем не повторялось...», а Нагульнов и вовсе заявил: «...тысячи станови зараз дедов, детишек, баб... Да скажи, что надо их в распыл... Для революции надо... Я их из пулемета ... всех порежу!» [4, с. 47]. Преданность подчеркивают и слова Давыдова: «...если понадобится, я за партию... я за свою партию, за дело рабочих всю кровь отдам! Всю, до последней капли!» [4, с. 53]

И дело здесь не в том, что у этих героев нет ничего святого, напротив, каждый из них обладает целым рядом положительных характеристик: они смелые, ответственные, решительные, добросовестные. Объяснение лишь одно – сотни и тысячи таких Нагульновых, Давыдовых не могли себе позволить остаться вне того времени, когда строилось «счастливое» будущее, в которое так хотелось верить. А долг настоящего героя, гражданина своей страны, – помочь своей родине.

Не сразу люди приняли Советскую власть, не хотели вступать в колхоз и потому чинили различные препятствия: резали скот, прятали «семфонд». Неудивительно, что Макар Нагульнов, сердцем болеющий за «мировую революцию», призывал не «нежничать» с врагами: «...надо непременно расстрелять двоих-троих гадов за скотину! Кулаков надо уничтожить!» [4, с. 89] Этим же объясняется и его жестокость по отношению к Баннику, который предпочел бы высыпать хлеб сниньям, чем отдать «чужеедам»: «...застрелю как вредного гада, а потом пойду за тебя в тюрьму хоть на десять лет! Я тебе не дам над Советской властью надругиваться!» [4, с. 138] Безоговорочно поверив в правоту Советской власти, в необходимость колхозов, Нагульнов был разочарован статьей Сталина, согласно которой «закружилась Макарова голова от успехов» [4, с. 164]. Теперь, по его словам, Нагульнов лежал в грязи «нищ лицом, столченный, сбитый с ног долой» [4, с. 165]. Настоящим ударом для него стало исключение из партии: «Куда же я без партии? И зачем? Нет, партбилет я не отдам! Я всю жизнь свою вложил... всю жизнь... прикажи ребятам... Меня тогда на распыл надо... Мне жизнь тогда без надобностей, исключите и из нее...» [4, с. 199]

Такие герои, как Нагульнов, – люди долга, они озабочены ценностями, актуальными для общества в большей степени, чем для личности. А.Н. Андреев подчеркивает, что герой – почетная, приветствуемая обществом «обезличенность», это «культ отношений», в которых нет ничего личного [5, с.5]. Жизнь героя принадлежит не ему, но социуму, родине, нации и т.д. Это подтверждает завершение романа «Поднятая целина»: Давыдов и Нагульнов погибли во имя будущего. С сожалением автор пишет об их смерти: «...Вот и отпели донские соловьи дорогим моему сердцу Давыдову и Нагульнову, отшпелала им поспевающая пшеница, отзвенела по камням безымянная речка... Вот и все!» [4, с. 538].

Гибель героя ничего не меняет в мире, где главным является не сам герой, а то, что его делает. Он выполнил свою миссию и ушел в другой мир, а его место займут другие. Особенность героя социоцентрического типа в том, что он идеально соответствует задачам идеологии.

Литература

1. Рымарь, Н.Т. Введение в теорию романа / Н.Т. Рымарь. – Воронеж, 1989. – 254 с.
2. Паньков, Н. М.М. Бахтин и теория романа / Н. Паньков // Вопросы литературы. – 2007. – №3. – С.252-315.
3. Косиков, Г.К. К теории романа (роман средневековый и роман нового времени) / Г.К. Косиков // Диалог. Карнавал. Хронотоп. – 1993. – №1. – С. 21-51.
4. Шолохов, М. Поднятая целина: Роман в 2-х кн. / М. Шолохов. – Мн.: Нар. асвета, 1978. – 544 с.
5. Андреев, А.Н. Современная интерпретация литературоведческой категории «народность» / А.Н. Андреев // Славянскія літаратуры ў сусветным кантэксте. Матэрыялы VI Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск, БДУ, 8-10 кастрычніка 2003 г.). У дзвюх частках. Частка 2. – Мінск, БДУ, 2003. – С. 4-7.

«ДРУГОЙ» И ИНАКОВОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭДВАРДА МОРГАНА ФОРСТЕРА

Д.О. Половец

Инаковость является одной из актуальнейших проблем современной гуманитарной мысли и может быть определена, с одной стороны, как имманентное качество Другого (в узком смысле), а с другой – как категория субъектно-объектных отношений, делающая возможной и актуализирующая оппозицию «Я – Другой» (в широком смысле). Несмотря на то что проблема Другого, а следовательно, и инаковости, первоначально разрабатывалась в философии, она вышла за пределы сугубо философского дискурса. К проблеме инаковости в своем творчестве обращались, например, М. Бахтин,